

КРИС ГРАБЕНСТЕЙН

Карьера Пресс
Москва

Пролог

А у тебя когда-нибудь было такое, что ты видишь на стволе дерева лицо — и понимаешь, что заточенный внутри дерева человек хочет тебе навредить?

Этот вопрос Зак Дженнингс все собирался задать своему отцу, но так и не задал, потому что боялся, как бы отец не подумал, что у него опять не на шутку разыгралось воображение.

Однако на этот раз Зак точно знал, что разглядел лицо на гигантском искореженном дереве в небольшом парке, разбитом вокруг Американского музея естественной истории.

Другие дети, наверное, замечали только наросты и дупла.

А Зак видел злые глаза и оскаленный рот.

Но Зак так и не задал вопрос отцу. Вместо этого он расспросил миссис Донну Шламп, работавшую библиотекарем в школе, распространяется ли реинкарнация на растения так же, как на животных. Могут ли люди в следующей жизни стать деревом или только коровами и некоторыми видами насекомых? Миссис Шламп (у нее была ученая степень по сравнительному богословию, которую негде было применить, кроме как на званых обедах) ответила, что да, некоторые религии полагают, что

измученные души могут вселяться во что угодно, и в основном как раз в деревья.

Так что, если верить, по крайней мере, одному взрослому, окончившему колледж, в стволе паркового дуба действительно могла быть заточена страдающая душа.

Вот уж спасибо, миссис Шламп.

К счастью, Зак с папой должны были скоро уехать из Нью-Йорка. Они готовились переехать в Коннектикут сразу после папиной женитьбы.

Не отправится же дерево из парка следом за ними.

А вот миссис Шламп может прогуливаться к нему время от времени.

Билли О'Клэр устал как собака.

Он шесть часов подряд пытался наладить туалет в новом доме, а на дворе было на редкость жарко и душно, особенно для пятницы перед Днем памяти.

С Билли градом катился пот. Так как в доме еще никто не жил, кондиционер был выключен.

Рубашка-спецовка превратилась в мокрый кусок хлопка с круглыми пятнами под обеими подмышками.

Было девять часов вечера.

Он затянул последнюю гайку, затем потянул за сливной рычажок на унитазе. Вместо обычного гудения воды, стекающей в чашу, Билли услышал громкое хлопанье.

Унитаз работал в обратную сторону. Билли поднял крышку и увидел, как труба отрыгивает куски коричневой грязи.

Листья. Грязь. Прутики.

Ничего больше, слава богу, потому что никто пока этим унитазом не пользовался. Наверное, этот садовый мусор попал в лопнувшую где-то канализационную трубу. Да... Чтобы найти ее и заменить, придется перерывать

весь газон. Скорее всего, труба пострадала из-за корней деревьев.

Но это была задача на утро понедельника.

К счастью, сейчас был вечер пятницы, и рабочая неделя Билли была закончена. Он перекрыл воду за унитазом и вышел на подъездную дорожку, где припарковал свой пикап с надписью «Сантехнические работы О'Клэр» на дверце. Надпись была нанесена поверх старой «Лакокрасочные работы О'Клэр», которая, в свою очередь, перекрывала «Наладку спутникового телевидения О'Клэр».

Билли устроился на водительском сиденье, одним глотком выпил почти два литра воды из пластиковой бутылки и направил оба сопла кондиционера на свои подмышки.

Стало легче. Намного легче. Он зевнул и подумал, что неплохо бы вздремнуть ненадолго.

Но вместо этого переключил трансмиссию на задний ход и выехал на дорогу, не подозревая, что чуть дальше по дороге скрывалось зло — поджидая очередного уставшего как собака водителя.

Над перекрестком, где трасса номер 13 округа пересекала шоссе номер 31 штата Коннектикут, мигал, свисая на проводе, красный стоп-сигнал светофора.

На углу стоял гигантский дуб, и его самая высокая ветвь — толстая, как ствол обычного дерева, — внезапно начала двигаться. Не было ни ветра, ни проезжавших мимо спортивных машин, оставлявших за собой воздушные вихри. Однако мощная ветвь начала изгибаться и вращаться. Она чужала приближение легкой добычи и, желая позабавиться, начала отрываться. Когда последние волокна

были разорваны, ветка сломалась и рухнула, словно двухтонный внедорожник, сорвав мигающий светофор.

После этого дерево замерло.

Билли О'Клэр помнил, что над перекрестком трассы 13 и шоссе 31 должен висеть мигающий стоп-сигнал. Однако этим вечером его не было.

«Ну и ладно». Билли не хотелось останавливаться. Ему хотелось в туалет. Кошмарно хотелось. Если выпить пару литров воды прямо из бутылки, так и должно случиться. И Билли предпочел бы туалет, в котором унитаз не выплюнет все обратно. Он вдавил педаль газа.

— Во мне все пересохло, — проворчал он. — Но будет очень мокро, если я не найду...

Внезапно он увидел человека посреди дороги.

Полицейского.

Полицейского возле мотоцикла, поднявшего руку и указывавшего Билли остановиться.

Билли нажал на тормоза, и пикап занесло на обочину. Завизжали шины, пикап завилял и едва не врезался в бампер несущейся машины, которую Билли даже не заметил. Он резко крутанул руль и оказался на противоположной стороне перекрестка — задом наперед и в канаве у обочины.

Билли не пострадал, но был в шоке. Он видел удаляющиеся задние фары машины, в которую чуть не врезался. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, он увидел полицейского, стоявшего рядом со своим мотоциклом, который выглядел очень странно — у него была круглая фара и хромированные крылья, взлетающие над шинами.

«Прямо из 1950-х, подумал Билли. Старый “харли-софтейл”». Билли нравились старые мотоциклы. Хотел бы он, чтобы такой оказался под ним прямо сейчас, и он мог бы рвануть на нем отсюда до того, как к нему начнет приставать полицейский. И тут Билли осознал, что униформа и шляпа полицейского тоже выглядят старомодно.

«Словно сошел со старой черно-белой киноленты, — подумал Билли. — Из какого-нибудь допотопного фильма про монстров, в которых полицейские пытаются изловить Годзиллу».

Полицейский медленно приближался к пикапу. Билли пригляделся — вдруг они знакомы, и это всего лишь шутка. Он попытался рассмотреть лицо.

Но у полицейского не было лица.

На нем были зеркальные очки, короткая стрижка, уши тоже были на месте, а вот лица не было!

Билли резко дернул ручку двери, но ее заело. Когда же дверь поддалась, Билли распахнул ее настежь. С диким криком он выскочил из грузовика и кинулся бежать так быстро, как только мог.

Полицейского совсем не заботил Билли О’Клэр. Он не стал его преследовать.

Его работа на сегодня была выполнена. Он предотвратил ужасную аварию, возможно, со смертельным исходом.

Он пытался сделать это однажды в прошлом.

Двадцать первого июня 1958 года.

В день своей смерти.

2

Утром перед свадьбой своего отца, а это была его вторая женитьба, Зак Дженнингс стоял в смокинге на холме стадиона Ши. Он был первым мальчишкой, который в свои одиннадцать лет был питчером в «Нью-Йорк метс».

В гостиной ромбом были расставлены коробки для переезда. Коробки с надписями «Одеяла» и «Подушки» были первой базой. «Кухонные принадлежности» — второй. «Книги» — третьей. Тяжелый китайский картонный ящик служил основной базой. В нем была упакована посуда.

Зак сверился с сигналами кетчера и замотал головой. Скользящий мяч он не подаст. При двух-то аутах, равном счете и воображаемых противниках, занимавших первую, вторую и третью базу.

— Теперь все зависит от этой подачи, — сказал Зак, комментируя происходящее. — Он смотрит на скамейку запасных. — Зак глянул на плюшевых зверушек, выстроившихся вдоль бейсбольного поля.

Взглянул на своего тренера, и мишка гризли подал ему сигнал: *бросай так, как считаешь нужным, парень*.

Зак кивнул. Он понял. Бывалый тренер отдавал судьбу

игры в его руки. Только от Зака зависело, проиграют они или победят.

Он поправил очки на носу. Некоторые игроки высмеивали любого питчера, носившего очки во время игры. Да, они насмеялись над ним, пока не увидели, как Зак выполняет свою знаменитую закрученную подачу фугас фанданго. Тогда они поняли, что именно очки обеспечивали Заку Дженнингсу ультразвуковое зрение и позволяли совершать точные броски именно туда, где не было игрока, способного отбить мяч.

Зак сжал мягкий мячик в правой руке. Он бросил взгляд на третью базу, убедившись, что воображаемый противник не особо насторожен. Он поднял левую ногу.

— И вот... раскрутка и подача. Сокрушительный бросок!

Зак перешел в режим замедленного видео и добавил звуковые эффекты. Камера показывала крупным планом, как из его руки вырывается мяч, пятьдесят тысяч фанатов вскакивают на ноги, мяч проносится мимо ошеломленного игрока с битой.

— У-удар три! — закричал Зак-арбитр. — Беттер вне игры!

Зак исполнил ритуальный танец картофеледавилки, пока его воображаемые друзья по команде бежали от скамейки запасных, чтобы наброситься на него.

Он упал на колени, завалился на бок и принялся вращаться по кругу.

— Зак Дженнингс побеждает в чемпионате! Он побеждает в чемпионате!

«Прекрати немедленно!»

Зак замер. Его взгляд заметался по пустой комнате.

— Мама?

Ему показалось, что он слышал ее голос, хотя и понимал, что это невозможно.

— Мама?

Зак встал, отряхнул брюки и попятился от арки, соединявшей гостиную и столовую. Затем он развернулся к оконной нише и выглянул на улицу. Облицованное песчаником старинное здание на противоположной стороне 84-й улицы. Оно поджидало его там, прямо над парадной дверью, — чудище с пустыми каменными глазами.

— Куда бы ты ни шел, что бы ты ни делал, я всегда узнаю, — всегда повторяла ему мать. — У меня глаза повсюду!

Горгулья. Конечно, Зак понимал, что монстр на другой стороне улицы был всего лишь украшением. Он не был живым и, разумеется, ничего не видел. Это продукт буйного воображения какого-то каменщика. Горгулья изображала даму с печальным лицом и локонами, переходившими в покрытые шипами и листьями ветви. Ее называли Каменной леди, она была наполовину человеком, наполовину деревом. Ее широко распахнутые глаза на самом деле были глубокими отверстиями, проделанными сверлом. Но иррациональная часть мозга Зака твердила ему, что Каменная леди видела, как он катается по полу в праздничной одежде. Она знала, что Зак опять все испортил из-за своей глупости и эгоизма. И Каменная леди всегда обо всем докладывала его матери.

— Мама?

Нью-йоркская квартира Зака и его папы была очень

большой. Три спальни, гостиная, кухня и столовая. Две с половиной ванных комнаты. И только столовая внушала Заку ужас.

Комната прямо перед ним.

«Из гостиной вы можете шагнуть прямо в столовую — также известную как труповая».

Она была пуста. Ни коробок, ни мебели, ничего, кроме застоявшейся, впитавшейся в стены вони от дюжины мокрых пепельниц.

Зак ощутил, что его сердце колотится так, будто вот-вот выскочит из груди и помчится по коридору, чтобы спрятаться под кроватью и дрожать там в темноте. Но в спальне больше не было кровати. Рабочие, помогавшие с переездом, разобрали ее, сложили и связали части вместе скотчем, чтобы снова собрать уже в Коннектикуте.

Сердцу Зака пришлось остаться на своем месте и встретиться с тем, что ждало его в труповой комнате.

— Мама? — прошептал Зак. — Прости меня, мам.

Его голос отражался от стен, где не осталось ничего, кроме очертаний рамок от картин, липких от сигаретного дыма. Но иногда Заку казалось, что он видит ее — больную и утопающую в медицинской кровати. Обтянутую кожей как скелет, лысую после химиотерапии, прописанной онкологами.

— Я даже не выпачкался, честно...

«Ажсец!»

— Я не хотел...

«Я ушла из-за тебя. Из-за тебя я больше не могу жить с твоим отцом. Из-за тебя я умерла. Мне пришлось сделать это, чтобы уйти от тебя».

— Мама, прости.

Столовая пустовала уже год.

Они с отцом редко сюда входили с тех пор, как медицинская компания вывезла больничную кровать и больничный шкаф на колесиках вместе со штативом для капельницы, аппаратом искусственной вентиляции легких и стульчаком на стальной раме. С тех пор как медсестра забрала все медицинские бутылочки и смыла все оставшиеся таблетки и обезболивающее в унитаз. С той ночи, как умерла его мать.

— Зак? — рядом с ним стоял отец. — Что случилось?

— Ничего.

Он положил руку Заку на плечо.

— С тобой все в порядке?

— Да, полный порядок.

— Скучаешь по ней, да?

Зак знал, что выбирать слова следует очень осторожно.

— Да, папа, я скучаю по маме.

— Я тоже. Но мы ведь это уже обсуждали, а, помнишь?

— Да, сэр.

Отец взъерошил волосы Зака. Он ответил правильно — он вернется к игре завтра.

— А где твой галстук?

Зак вытащил галстук на застёжке из кармана смокинга. Он был фиолетовым, любимого цвета будущей мачехи Зака.

— Эй, как ты ухитрился так выпачкать смокинг? — Отец стряхнул пыль со спины Зака. — Ты ведь не хочешь испортить праздник, а?

— Нет, сэр.

— Прекрасно. Ну, я думаю, не стоит заставлять всех ждать.

Отец улыбнулся, Зак притворился, что тоже улыбается, и они оба отправились прочь из квартиры.

Зак знал, что отец мечтает начать новую жизнь.

Зак также знал, что разрушил бы, вероятно, и эту новую папину жизнь при первой возможности.

Джуди Мэгрудер помогала расставить на свадебном столе бокалы для шампанского. Она составила высокие узкие бокалы в хрупкую пирамиду на покрытом льном столе, установленном в углу сада на крыше жилого дома.

— Не слишком высоко? — спросила она официантку.

— Нет, кажется...

Прежде чем официантка успела сказать «все в порядке», налетел мощный порыв ветра. На короткое мгновение изящные бокалы превратились в длинношеих стрекоз, подвешенных на ветру. Однако земное притяжение быстро взяло верх, и бокалы совершили аварийную посадку прямо на бетонную площадку патио.

— Ой.

Хорошо, что невестой сегодня была Джуди. Она могла бы поручиться, что одно ее присутствие могло заставить хрупкую посуду спрыгивать с края стола подобно семейству леммингов, попавших на каникулы в Гранд-каньон.

В своем пышном фиолетовом свадебном платье Джуди присела на корточки и принялась собирать битое стекло.

И поранилась первым же осколком.

— Ой. Осторожнее, — сказала она официантам, бросившимся ей на помощь. — Можно порезаться.

В доказательство она сунула в рот палец, только что порезанный.

Решив, что лучше переждать под столом, она подскочила вперед, приподняла связанные пучками края скатерти и пробежала сквозь образовавшийся проход, будто скатерть была занавесом, а она шла за кулисы после долгих реверансов публике, — так она делала, когда была актрисой. Это было еще до того, как вышла ее первая книга из серии о Любопытном Коте, белом табби с серыми лапками, который, как следовало из его имени, был ужасно любопытным и постоянно попадал во всевозможные неприятности.

Большинство друзей и родственников Джуди сказали бы, что ее книги для детей были наполовину автобиографическими.

Джуди проползла вперед и обнаружила, что она под столом не одна.

— Эй, Зак, что ты тут делаешь?

Зак опустил пластиковые руки бравого солдата Джо.

— Ничего.

— Хорошо. Иногда ничего — лучшее, чем можно заняться в безумный день вроде нынешнего. — Она сдула прядь волос, упавшую ей на глаза. — Это пожарный? — спросила она.

Зак посмотрел на игрушку и кивнул, хотя и был смущен. Мальчик его возраста, все еще играющий куклами? Фу.

— Это же бравый солдат Джо, точно?

И снова Зак кивнул.

— Ага.

— Привет, мистер Джо, — сказала Джуди.

— Добрый день, мэ, — ответила она же голосом Джо.

Грубым и суровым. — Эй, Зак, — позвала Джуди.

— А?

— Как ты думаешь, мистер Джо может управляться с ОВ?

— Что такое ОВ?

— Ну, знаешь, опасные вещества? Это просто сокращение. Берем по букве от слова и склеиваем вместе. ОВ.

— А. Не знаю.

— На кону жизни. И пальцы ног.

Зак уставился на Джуди. Он все еще пытался разгадать эту женщину. Конечно, она была симпатичной и постоянно смешила папу, когда они были вместе. Джуди тоже смеялась, потому что папа Зака снова почти вспомнил, каково это — быть веселым. Ее книги о коте тоже были ничего. Зак прочел парочку, хотя они и были для малышей. И все же они были в общем-то смешными. Особенно когда Любопытный Кот попадал в неприятность, сунув нос куда не следовало. Однажды он даже взорвался, но так как у него было девять жизней, это не оказалось большой проблемой.

И Зак никогда не слышал, чтобы Джуди орала на папу, ни разу.

По крайней мере, пока.

— Там у нас довольно серьезная проблема, — сказала

Джуди. — Речь о битом стекле. И о сандалиях с открытыми носками. Все может обернуться катастрофой.

Зак посмотрел Джуди в глаза. Они были большими и карими, как у дружелюбных мультяшных мишек, к которым сразу проникаешься доверием, в отличие от грозных и ворчливых медведей гризли, к которым лучше не приближаться.

Он решил ей подыграть.

— Мистер Джо? — спросил он фигурку солдата.

— Да, Зак? — пробасила в ответ Джуди.

— Э-э-э, ты работал когда-нибудь с ОВ?

— ОВ? Разумеется. Постоянно. Я же бесстрашен. К тому же я сделан из пластмассы, так что сам понимаешь, я не могу быть ранен, если только, ну, знаешь, не расплавлюсь в огне или пожарная машина не раздавит меня, дав задний ход. Это будет больно.

На лице Зака заиграла робкая улыбка.

— Спроси Джо, имел ли он дело с битым стеклом.

— Ладно. Эй, Джо?

— А?

— Ты имел дело с битым стеклом?

— Стекло? Ерунда. Я не могу порезаться, старина. Вернее, могу, но без крови и всего такого.

— Потому что ты пластмассовый?

— Точно!

Зак рассмеялся, Джуди тоже.

Свадьба Джорджа Дженнингса и Джуди Мэгрудер состоялась в субботу накануне Дня памяти. Зак Дженнингс был дружком своего отца и поднес им кольца.

После свадьбы на крыше новоиспеченная семья отправилась в Орlando на недельный медовый месяц и каникулы в Диснейленде. Пока они были в Орlando, компания, занимавшаяся переездами, вывезла все вещи из их квартиры и перевезла в Норт-Честер, Коннектикут, в маленький городок, в котором вырос Джордж.

Их новый дом, только что построенный трехэтажный особняк в викторианском стиле — с фронтонами и изогнутым крыльцом — располагался в новом районе Фермы каменистых холмов в западном пригороде.

Как раз рядом с местом, где *трасса 13* округа *пересекала* шоссе 31 штата Коннектикут.

Каждое утро Герда Шпротлинг отправлялась в Норт-Честер, будто ее семья все еще владела городом. Ее личный шофер вел «кадиллак-купе-девил» к центру по Мэйн-стрит. Некоторые машины сигналили им вслед, когда большой черный корабль пересекал сплошную желтую линию, но местные просто старались убраться с пути. Они узнавали старый автомобиль и понимали, что в нем едет последняя из Шпротлингов — семьи, сделавшей Норт-Честер знаменитым. В общем-то, этот странный маленький городок все еще назывался Часвиль, как и почти сто лет назад, потому что когда-то здесь выпускались часы на огромной фабрике часовых механизмов семьи Шпротлинг.

«Шпротлинг выдерживает проверку временем», — гласил их рекламный слоган. Но фабрика из красного кирпича с гигантскими дымовыми трубами закрылась еще в начале 1980-х.

Поскольку этот понедельник приходился еще и на День памяти, туристы и горожане лениво отмечали неофициальное начало лета, слоняясь по магазинам и уютным бутикам Мэйн-стрит.

— Почему эти люди не на работе? — спросила своего водителя мисс Шпротлинг.

— Праздник, мэм. — Шоферу было восемьдесят шесть лет, а мисс Шпротлинг — семьдесят два.

— Праздник? Господь всемогущий. Ленивые, никчемные бездельники. — Ее голос был резким и нервным.

Машина остановилась.

— Почему мы остановились? — возмутилась мисс Шпротлинг.

— Красный свет, мэм.

— Господь всемогущий.

В пригороде Норт-Честера был всего один светофор — на перекрестке, где также возвышалась мощная каменная башня с городскими часами. Прадед мисс Шпротлинг заказал шестиэтажный каменный монумент, чтобы увековечить немецкую смекалку и американское трудолюбие своей семьи. На часах были витиеватые стрелки и ажурный циферблат, но они больше не показывали времени. Руки-стрелки застыли на 9:52.

Зажегся зеленый свет.

— Поторопитесь, мистер Виллоуби, — приказала мисс Шпротлинг. — Быстрее же.

— Да, мэм.

У мисс Шпротлинг на сегодня было назначено две встречи. Первая в салоне красоты, затем у флориста. Ее личная помощница, юная особа по имени Шэрон Джонс, ехала следом за «кадиллаком» на «хёндай»-хетчбэке, на случай если мисс Шпротлинг что-нибудь понадобится. У «кадиллака» были наклейки на бампере в форме пуля, огромные хвостовые «плавники» и широкая хромиро-

ванная решетка радиатора. Всю эту роскошь содержал в отличном состоянии мистер Виллоуби, сухопарый и долговязый шофер.

Обе машины остановились в зоне, где парковка была запрещена, рядом с бордюром перед Домом красоты господина Антуана. Мистер Виллоуби обошел машину, чтобы открыть дверь перед мисс Шпротлинг. Тощая помощница стояла, склонив голову и опустив плечи, у обочины.

— Ждите меня здесь. Оба.

Прической мисс Шпротлинг должен был заниматься господин Антуан лично — даже по праздникам. Парикмахер был намного моложе, но он знал старый способ завить ее мягкие пряди, используя бигуди размером с кофейные банки и фен в форме шлема — те, что были в салонах красоты в 1950-х годах.

После парикмахерской мисс Шпротлинг отвезли дальше по Мэйн-стрит к цветочному магазину Миде, где она собиралась купить дюжину белых роз. Она покупала их каждый понедельник уже около пятидесяти лет. Ее помощница вошла в магазин вместе с ней, потому что нести колючие розы было как раз задачей Шэрон.

В этот понедельник в магазинчике Миде толпилось неожиданно много народа.

— Мисс Шпротлинг! Рад видеть вас!

— Мистер Миде. — Она натянула черные перчатки до локтя и надвинула очки в форме кошачьего глаза на переносицу. — Откуда все эти люди?

— Сегодня День памяти, мэм.

— И что?

— Они пришли купить цветов и отнести на кладбище.

— Понятно. Неужели, чтобы вспомнить об усопших, им нужен государственный праздник? Где были все эти люди в прошлый понедельник?

Мистер Миде согласно закивал:

— Знаете, мисс Шпротлинг, я задаюсь тем же вопросом.

— Довольно болтовни. Пошевеливайтесь. Принесите нам наши розы.

— Я мигом. Миссис Ломбарди хотела...

— У нас нет на это времени. — Мисс Шпротлинг двинулась вперед, сцепив руки за спиной. — Вы знаете, что нам нужно. Либо сделайте это немедленно, либо в следующий понедельник мы будем вынуждены обратиться к другому торговцу.

— Да, мисс Шпротлинг... Конечно, мисс Шпротлинг...

Флорист удалился. Пожилая женщина в выцветшей ветровке улыбнулась мисс Шпротлинг. Она сжимала в руках букет красных, белых и синих гвоздик.

— Это для моего Арни, — сказала она.

— Что?

— Гвоздики. Они для моего сына. Он погиб на войне. Я приношу их ему в каждый День памяти.

— Понятно. Наверное, так проще его вспомнить? В государственный праздник. — Мисс Шпротлинг тряхнула своей шлемовидной прической.

Женщина в ветровке уставилась на нее.

— Господь всемогущий, на что вы пялитесь?

— Это платье. У меня было такое же. Много лет назад. Когда мистер Ломбарди и я пошли на наше первое торжество в его студенческом братстве. Кажется... в 1948-м.

Мисс Шпротлинг захотелось, чтобы ее оставили в покое.

— Мистер Миде? — позвала она.

— Правда, мистер Ломбарди покинул этот мир. В прошлом году. Хроническая сердечная недостаточность. Теперь я одна. Стараюсь, как могу. Занимаю себя. Работаю волонтером в благотворительном магазине...

— Мистер Миде? — Мисс Шпротлинг постучала костяшками пальцев по прилавку.

— У меня было белое платье, — сказала миссис Ломбарди. — Не черное, как у вас.

— Мистер Миде!

Запыхавшийся хозяин магазина поспешно выбежал из подсобки с дюжиной белых роз, завернутых в прозрачный целлофан.

— Пожалуйста, запишите на мой счет. — Мисс Шпротлинг сделала жест, указывая помощнице принять розы у испуганного маленького человека.

Мистер Миде жалко улыбнулся.

— Конечно, никаких проблем, мисс Шпротлинг. Доброго вам дня.

— Как мило с вашей стороны пожелать мне доброго дня, — холодно ответила она. — К несчастью, того, что вы зовете «добрым днем», со мной не случалось уже пятьдесят лет!

= = =

Обе машины выбрались из Норт-Честера и направились к трассе 13. В нескольких милях от города оба автомобиля остановились на обочине дороги.

Мистер Виллоуби снова обошел «кадиллак» и открыл тяжелую дверь. Мисс Шпротлинг выхватила розы из рук помощницы и понесла букет так, будто шла к свадебному алтарю. Она перешла через дренажную канаву и направилась по тропинке к гигантскому дубу.

К дереву был прибит белый деревянный крест. Он висел здесь так давно, что врос в ствол. Ниже креста к дереву было прикручено также выкрашенное в белый небольшое алюминиевое ведерко. Оно было заполнено дюжиной увядших белых роз. Их тонкие лепестки за неделю стали коричневыми. Мисс Шпротлинг сделала то, что совершала каждый понедельник: вытряхнула старые розы и поставила на их место свежие. Она прижала левую руку к сморщенному стволу и прошептала несколько молитв.

Через пять минут она вернулась к ожидавшей ее машине. Помощница ждала ее у обочины.

— На сегодня наши дела закончены, Шэрон.

— Да, мэм.

— Отвезите нас домой, мистер Виллоуби.

— Да, мэм, — сказал старый шофер.

«Кадиллак» тронулся. Мисс Шпротлинг вернется сюда в следующий понедельник, и в следующий за ним, и в следующий. Каждую неделю она будет приносить свежие белые розы к этому памятнику у обочины на перекрестке 13-й трассы округа и шоссе 31 штата Коннектикут.

— На стволе, ветвях и корнях Древа Жизни вырезано триста двадцать пять изображений исчезающих и вымерших животных, — сказала Джуди.

В День памяти Зак, Джуди и Джордж — вся новая семья Дженнингс — бродили вокруг искусственного четырнадцатизэтажного баобаба, главной достопримечательности тематического парка развлечений диснеевского Животного мира.

— Потрясающе! — Зак смотрел вверх, на всех этих животных, вырезанных на искусственном дереве и переплетавшихся, как гигантская головоломка.

— Ты видишь льва? — спросил отец. — Там, в стволе. Мне кажется, это лев. А может быть, леопард. Но точно не панда...

— Ага. Круто. — В Орlando он развлекался на полную катушку и понял, что с новой мачехой, оказывается, куда веселее, чем с его настоящей мамой.

И тут он ощутил ее запах, запах сигарет.

Его матери.

Заку показалось, что она вернулась из мертвых, чтобы преподавать ему урок. Как смеет он развлекаться с хорошенькой новой мачехой, когда его настоящая мать умерла

по его вине? Это не было Древо Жизни, это было Древо Смерти!

— Зак? — позвал его отец. — Что с тобой? Все хорошо?

Зак кивнул. Попытался ответить:

— Ага. Порядок.

Джуди принялась. Она тоже почувствовала этот запах.

— Кто-то курит, — сказала она.

— Я думал, в этом парке запрещено курить. — Кажется, отец не на шутку разозлился.

— Так и есть, — сказала Джуди. — Но ты же знаешь курильщиков. Они не читают табличек.

Теперь Джуди смотрела на Зака. Она наверняка заметила панику в его глазах.

— Ты правда в порядке, милый? — мягко спросила она.

— Да, спасибо.

Зак тоже знал курильщиков. Жил с одной из них большую часть своей жизни. Его мать выкуривала по две или три пачки в день. Затягивалась так, будто хотела высосать каждую сигарету досуха. Мать курила до самой смерти, хотя сигареты и вызвали ее рак.

— Это единственная радость в жизни, что у меня осталась, — хрипела она с больничной койки в столовой. Она смотрела на Зака взглядом, проникавшим в его душу глубже, чем светящийся кончик сигареты, если его прижать к коже. — Моя единственная отрада в этом мире.

Герда Шпротлинг жила в старинном поместье вблизи Норт-Честера, Коннектикут, в имении Шпротлингов.

Ее прапрадед Августус Джей Шпротлинг, основатель часовой фабрики Шпротлинг, выстроил величественный каменный замок в 1882 году на четырехстах гектарах леса в десяти километрах от города. Мисс Шпротлинг прожила в поместье всю свою жизнь. После смерти отца в 1983-м ей в наследство достался дом и приличное состояние. Ее мать умерла давно, когда Герда была еще ребенком.

Со смерти отца прошло двадцать пять лет, и деньги стали заканчиваться. Однако их все еще было достаточно, если жить экономно.

Она продала часть земли, сократила службу до трех человек, закрыла часть особняка и держала большинство комнат наверху запертыми или заколоченными.

Мебель из своей спальни мисс Шпротлинг перенесла в бывшую библиотеку, в комнату из красного дерева и с огромными раздвижными дверями. Тайный проход соединял библиотеку с семейной часовней Шпротлингов.

Вокруг островка из спальной мебели было пусто, за исключением старого откидного письменного стола, при-

надлежавшего отцу мисс Шпротлинг, и пыльных книжных полок, громоздившихся вдоль стен.

У самого высокого книжного шкафа стояла стремянка. Никто не поднимался на нее уже двадцать пять лет, с тех пор как отец мисс Шпротлинг залез по ней на самый верх, обернул вокруг шеи плетеный шнур от занавески, оттолкнул стремянку в сторону и упал с достаточной высоты, чтобы сломать себе шею и умереть.

Шэрон, личная помощница мисс Шпротлинг, спала в кладовке рядом с кухней, чтобы быть под рукой, если хозяйке понадобится что-нибудь среди ночи.

Мать Шэрон, горничная, служившая Шпротлингам не первый десяток лет, жила в ветхом сарае для экипажей, что стоял в одном из извилистых проездов в заросшем парке поместья. Миссис Джонс приходилось жить там, чтобы до мисс Шпротлинг не доносились крики младенца — сына Шэрон, за которым ухаживала его бабушка.

Около полуночи Шэрон проснулась и увидела в дверном проеме темный силуэт.

— Шэрон, у нас закончилось «Франжелико». Шэрон?

В ночь по понедельникам «шшш» в имени Шэрон становилось длиннее обычного, потому что мисс Шпротлинг выпивала. Еженедельные посещения памятника печалили старушку, а печаль заставляла ее выпивать больше обычного. «Франжелико» был любимым алкогольным напитком мисс Шпротлинг: сладкая и густая смесь напоминала молочный коктейль с фундуком, но в отличие от коктейля, обжигала горло.

— Шэрон? Господь всемогущий! Просыпайся, Шэрон!

— Да, мам, — пробормотала Шэрон.

— Немедленно отправляйся в магазин!

Шэрон не знала ни одного магазина, торговавшего алкоголем в этот ночной час, так что ей пришлось импровизировать. Она в полудреме пробралась к занавешенным полкам, на которых хранилась ее рабочая одежда.

— Поторапливайся, девочка! Как говорят, одна нога здесь, другая там!

Шэрон поехала на заправку «Мобил» на шоссе 31. Заправка работала круглосуточно, и там был минимаркет, где продавали кофе. На прилавке с пластиковыми чашками и пластиковыми крышками стояли баночки с ароматизированными сливками на пальмовом масле. Одна из баночек называлась «Фундучное наслаждение» и на вкус напоминала «Франжелико», особенно если не знать про баночки с этими сливками. Нужно было принести домой несколько дюжин, вылить их в стакан и добавить немного виски.

— Только кофе? — спросил кассир.

— И сливки.

— Опять закончилось «Франжелико»?

Шэрон кивнула.

— Вам точно хватит этого?

— Хватит.

Шэрон вытащила смятую долларовую банкноту.

— Сегодня кофе бесплатно, — сказал кассир. — Сливки тоже.

— Правда?

Кассир подмигнул:

— Да, мэм. Счастливого Дня памяти.

— Спасибо.

Шэрон сгребла баночки со сливками и рассовала по карманам халата. Она не была медсестрой, но мисс Шпротлинг настаивала на том, чтобы она носила униформу. Шэрон поспешила к машине. Было далеко за полночь.

Она отъехала от заправки и вскоре оказалась на самом темном участке шоссе. Ни торговых центров, ни домов, ни освещения. Только темная полоска леса по обе стороны дороги. Верхушки деревьев превращаются в плотный частокол, впиваясь острыми концами в чернильное небо. Шэрон была на дороге одна, если не считать мотыльков и жуков, норовивших провести лобовую атаку на передние фары машины. Она включила радио, но не слышала ничего, кроме потрескивания.

Она опустила взгляд.

«Странно».

Здесь никогда раньше не бывало проблем с радио. Даже по ночам.

«Странно».

Она снова перевела взгляд с панели управления на дорогу.

— О нет!

Посреди дороги стояла девушка. Девушка, одетая в белое.

Шэрон изо всех сил вдавила педаль тормоза. Перед машины занесло налево, зад — направо.

Сердце Шэрон едва не выскочило из груди.

Она попыталась выдохнуть.

Ее передний бампер замер всего в нескольких сантиметрах от девушки в белом.

«Я могла ее убить».

На спокойном лице девушки расцвела улыбка, когда та подошла к окну со стороны пассажирского кресла. Она, казалось, светилась, несла ауру пульсирующего красного света. И тут Шарон поняла, что стоит на перекрестке с мигающим красным стоп-сигналом.

— Не могли бы вы меня подбросить? — спросила девушка.

— Что?

— Я жутко опаздываю.

«Она также жутко сумасшедшая, — подумала Шэрон. — Стоять вот так посреди дороги!»

— Куда вам? — спросила Шэрон.

— Туда, дальше по дороге. Я опаздываю.

Девушка была еще подростком. Шестнадцать, от силы семнадцать лет. Ее мягкие светлые волосы были стянуты сзади в хвост белым шифоновым шарфом. На ней было плотное белое платье, облежавшее ее стройную фигуру, и длинные белые перчатки. Белая шаль была наброшена на обнаженные плечи. Белое на белом, покрытое белым.

Если она останется торчать на дороге, то ее еще и взобьют как сливки.

— Запрыгивай, — сказала Шэрон.

— Не могли бы вы открыть дверь, пожалуйста?

— Что?

— Это из-за дурацких белых перчаток. Будет страшно жаль их испачкать.

С неохотой Шэрон наклонилась через сиденье и открыла дверь.

— Спасибо! Вы лучшая! — Ее платье зашуршало, когда она проскользнула в машину.

— Хм, — сказала Шэрон. — Мы не сможем тронуться, пока ты не закроешь дверь.

— Не могли бы вы это сделать для меня?

— Что?

Девушка вновь показала свои перчатки.

— А, ну да, — проворчала Шэрон. — Мы не хотим, чтобы они испачкались, точно?

Когда Шэрон перегнулась через девушку, чтобы дотянуться до ручки двери, то почувствовала странный холодок. Рука покрылась гусиной кожей.

Девушка в белом захихикала.

— Ну же, вперед! Одно колесо здесь, другое там!

= = =

Маленькая машина проехала около мили. Девушка в белом молча сидела и смотрела прямо перед собой. На фары Шэрон налипло еще больше мотыльков. Другие расплющились о лобовое стекло.

— Так куда ты направляешься? — наконец спросила Шэрон.

— Дальше по дороге.

— Я понимаю, но куда? Норт-Честер? Монро?

— Дальше по дороге.

— Эта дорога довольно длинная.

— Я собираюсь на танцы. В приготовительную школу Чамли.

Желудок Шэрон свело.

— Чамли?

— Да, мой бойфренд пригласил меня на их летнюю встречу.

— Чамли?

— Да. — Девушка глянула на изящные часики-браслет. — Мы должны успеть, танцы не начнутся раньше восьми.

Шэрон ощутила горечь во рту.

— Э... Ты знаешь, уже за полночь.

— О боже. Полночь?

— Ага.

— Почему же вы не приехали раньше?

Девушка в белом больше не улыбалась. Более того, она была готова зарычать от ярости. И Шэрон решила, что настала ее очередь посмотреть прямо перед собой.

— Наверное, ты ошиблась, — сказала Шэрон, обращаясь к лобовому стеклу и надеясь успокоить чересчур возбудимую пассажирку. — Ты знаешь, что это за школа? Приготовительная Чамли? Она закрылась много лет назад. Еще до моего рождения.

Она осмелилась взглянуть на девушку в белом.

Но девушки не было.

Пассажирское кресло было пустым.